

Английский язык с Г. Уэллсом

Дверь в стене

(*Фантастические повести*)

H.G. Wells. Short Stories

Пособие подготовил Олег Дьяконов

Метод чтения Ильи Франка
www.franklang.ru

Содержание:

The Door in the Wall

The New Accelerator

The Star

The Man Who Could Work Miracles

The Empire Of The Ants

The Country of the Blind

The Door in the Wall

(Дверь в стене)

I

One confidential evening (однажды вечером в доверительной обстановке: «одним доверительным вечером»), not three months ago (менее трех месяцев назад), Lionel Wallace told me this story of the Door in the Wall (Лайонел Уоллес рассказал мне историю о Двери в Стене; *to tell — рассказать*). And at

the time I thought that so far as he was concerned it was a true story (и в то время я подумал, что поскольку это касается его, /то/ это правдивая история).

confidential [ˈkɒnflɪˈdenʃl], concerned [kənˈsɜːnd], true [truː]

One confidential evening, not three months ago, Lionel Wallace told me this story of the Door in the Wall. And at the time I thought that so far as he was concerned it was a true story.

He told it me with such a direct simplicity of conviction (он рассказал мне ее с такой непосредственной простотой убежденности) that I could not do otherwise than believe in him (что я не мог поступить иначе, как поверить в него = ему). But in the morning, in my own flat (но утром в моей собственной квартире), I woke to a different atmosphere (я проснулся в другой атмосфере), and as I lay in bed and recalled the things he had told me (и пока я лежал в кровати и вспоминал вещи = то, что он рассказал мне), stripped of the glamour of his earnest slow voice (лишенное чарующей силы его искреннего неспешного голоса), denuded of the focussed shaded table light (лишенное = без сфокусированного света настольной лампы с абажуром; *shade* — абажур; *light* — свет; лампа), the shadowy atmosphere that wrapped about him and the pleasant bright things (призрачной атмосферы, которая окутывала его и приятные яркие вещицы), the dessert and glasses and napery of the dinner (десерт, и бокалы, и убранство ужина) we had shared (который мы ели: «разделили»), making them for the time a bright little world quite cut off from every-day realities (что делало: «делая» их на тот момент ярким маленьким миром = *мирком*, совершенно отрезанным от будничной действительности), I saw it all as frankly incredible (я увидел это все, как откровенно невероятное). “He was mystifying (он занимался мистификациями = да он все выдумал!)” I said, and then (сказал я, а потом): “How well he did it (как здорово у него это

получилось)!.. It isn't quite the thing I should have expected him, of all people, to do well (это не совсем то, что мне следовало ожидать от него, изо всех людей, что он сделает хорошо = этого как раз от него я не ожидал).”

otherwise ['ADqwalz], atmosphere ['xtmqsfliq], earnest ['Wnlst]

He told it me with such a direct simplicity of conviction that I could not do otherwise than believe in him. But in the morning, in my own flat, I woke to a different atmosphere, and as I lay in bed and recalled the things he had told me, stripped of the glamour of his earnest slow voice, denuded of the focussed shaded table light, the shadowy atmosphere that wrapped about him and the pleasant bright things, the dessert and glasses and napery of the dinner we had shared, making them for the time a bright little world quite cut off from every-day realities, I saw it all as frankly incredible. “He was mystifying!” I said, and then: “How well he did it!.. It isn't quite the thing I should have expected him, of all people, to do well.”

Afterwards, as I sat up in bed and sipped my morning tea (потом, когда я сидел в кровати и пил: «пил мелкими глотками» свой утренний чай), I found myself trying to account for the flavour of reality (я обнаружил, что пытаюсь объяснить тот налет реальности; *to account for* — *объяснять*) that perplexed me in his impossible reminiscences (который озадачил меня в его невероятных воспоминаниях), by supposing they did in some way suggest, present, convey (предположив, что они каким-то образом внушают, передают, выражают) — I hardly know which word to use (я вряд ли знаю, какое слово использовать) — experiences it was otherwise impossible to tell (впечатления, которые иначе невозможно высказать).

account [q'kaunt], reminiscence [ˈremɪˈnɪsns], experience [ɪkˈspɪəriəns]

Afterwards, as I sat up in bed and sipped my morning tea, I found myself trying to account for the flavour of reality that perplexed me in his impossible reminiscences, by supposing they did in some way suggest, present, convey — I hardly know which word to use — experiences it was otherwise impossible to tell.

Well, I don't resort to that explanation now (ну, теперь я не прибегаю к этому объяснению). I have got over my intervening doubts (я преодолел возникающие сомнения). I believe now (теперь я считаю), as I believed at the moment of telling (как я считал в момент рассказа), that Wallace did to the very best of his ability strip the truth of his secret for me (что Уоллес старался изо всех сил обнажить правду своей тайны для меня). But whether he himself saw (но то ли он сам понимал; *to see* — *видеть; понимать*), or only thought he saw (или лишь думал, что понимает), whether he himself was the possessor of an inestimable privilege (то ли он был обладателем неоценимой привилегии), or the victim of a fantastic dream (или жертвой фантастического сна), I cannot pretend to guess (я не осмеливаюсь гадать; *to pretend* — *пытаться, прилагать усилия, стараться; отваживаться, решаться*). Even the facts of his death (даже факты его смерти), which ended my doubts forever (которые навсегда уничтожили мои сомнения), throw no light on that (не проливают: «бросают» света на это). That much the reader must judge for himself (именно это читатель должен оценить сам; *to judge* — *сделать вывод; оценивать, судить; that much = so much — столько-то, это-то*).

intervening [ˈɪntəˈvɪnɪŋ], possessor [pəˈzɛsə], privilege [ˈprɪvɪlɪdʒ]

Well, I don't resort to that explanation now. I have got over my intervening doubts. I believe now, as I believed at the moment of telling, that Wallace did to the very best of his ability strip the truth of his secret for me. But whether he himself saw, or only thought he saw, whether he himself was the possessor of an

inestimable privilege, or the victim of a fantastic dream, I cannot pretend to guess. Even the facts of his death, which ended my doubts forever, throw no light on that. That much the reader must judge for himself.

I forget now what chance comment or criticism of mine moved so reticent a man to confide in me (я уже не помню, какое мое случайное критическое замечание подвигло такого сдержанного человека довериться мне; *to forget* — *забывать*). He was, I think, defending himself against an imputation of slackness and unreliability (он, я полагаю, защищался от обвинения в слабости и ненадежности; *slack* — *слабый; изможденный, уставший; reliable* — *надежный; to rely* — *полагаться*) I had made in relation to a great public movement in which he had disappointed me (которое я сделал в связи с крупным общественным движением, в котором он не оправдал моих ожиданий; *to disappoint* — *разочаровывать; обманывать /надежды/, не оправдывать /ожиданий/*). But he plunged suddenly (но он вдруг встрял; *to plunge* — *нырять; бросаться вперед; встревать*). “I have” he said, “a preoccupation (я не перестаю кое о чем думать; *preoccupation* — *озабоченность; невнимание, невнимательность*) — ”

chance [CRns], reticent ['retɪsqnt], unreliability ['ʌnrɪ'laɪq'bɪlɪtɪ]

I forget now what chance comment or criticism of mine moved so reticent a man to confide in me. He was, I think, defending himself against an imputation of slackness and unreliability I had made in relation to a great public movement in which he had disappointed me. But he plunged suddenly. “I have” he said, “a preoccupation — ”

“I know (я знаю),” he went on (продолжил он; *to go on* — *продолжать*), after a pause that he devoted to the study of his cigar ash (после паузы, которую он посвятил изучению пепла своей сигары), “I have been negligent (я был

нерадив/беспечен). The fact is (дело в том) — it isn't a case of ghosts or apparitions (это не случай = *это не связано с* привидениями или /какими-нибудь/ видениями) — but — it's an odd thing to tell of, Redmond (но, Редмонд, это странное дело, чтобы рассказать о нем = странно говорить об этом деле) — I am haunted (меня /что-то/ преследует; *to haunt* — неотступно преследовать /кого-л./; мучить; не давать покоя /о мыслях и т. п./). I am haunted by something (что-то преследует меня) — that rather takes the light out of things (что забирает свет из всего = омрачает все), that fills me with longings (что наполняет меня тоской)... ”

negligent ['neglɪɡənt], ghost [ɡəʊst], haunt [haɪnt]

“I know,” he went on, after a pause that he devoted to the study of his cigar ash, “I have been negligent. The fact is — it isn't a case of ghosts or apparitions — but — it's an odd thing to tell of, Redmond — I am haunted. I am haunted by something — that rather takes the light out of things, that fills me with longings...”

He paused (он сделал паузу), checked by that English shyness (остановленный той английской застенчивостью) that so often overcomes us when we would speak of moving or grave or beautiful things (которая так часто одолевает нас, когда мы хотели бы высказаться о трогательных, или печальных, или прекрасных вещах = о трогательном, или печальном, или прекрасном). “You were at Saint Athelstan's all through (ты прошел весь курс Сент-Ателстенского колледжа; *all through* — всё целиком, до конца),” he said, and for a moment that seemed to me quite irrelevant (и на минуту это показалось мне совершенно неуместным). “Well (что ж)” — and he paused (и он остановился). Then very haltingly at first (потом, сначала запинаясь), but afterwards more easily (но после более непринужденно), he began to tell of the thing that was hidden in his life (он начал рассказывать о том, что было скрыто в = о тайне его жизни), the haunting memory of a beauty and a happiness that

filled his heart with insatiable longings (/о/ навязчивых воспоминаниях какой-то красоты и счастья, которые наполняли его сердце ненасытной жадой/тоской) that made all the interests and spectacle of worldly life seem dull and tedious and vain to him (которые сделали = от которых все интересы и зрелища мирской жизни стали казаться ему унылыми, и скучными, и пустыми; *to make* — *делать; заставлять*).

irrelevant [ɪ'relevənt], beauty ['bju:ti], insatiable [ɪn'seɪsɪəbl]

He paused, checked by that English shyness that so often overcomes us when we would speak of moving or grave or beautiful things. “You were at Saint Athelstan’s all through,” he said, and for a moment that seemed to me quite irrelevant. “Well” — and he paused. Then very haltingly at first, but afterwards more easily, he began to tell of the thing that was hidden in his life, the haunting memory of a beauty and a happiness that filled his heart with insatiable longings that made all the interests and spectacle of worldly life seem dull and tedious and vain to him.

Now that I have the clue to it (теперь, когда у меня есть ключ к этой загадке: «к этому»), the thing seems written visibly in his face (все это будто /было/ явно написано у него на лице). I have a photograph in which that look of detachment has been caught and intensified (у меня есть фотография, на которой был уловлен и усилен этот отстраненный взгляд). It reminds me of what a woman once said of him (это напоминает мне о том, что сказала о нем одна женщина) — a woman who had loved him greatly (женщина, которая очень любила его). “Suddenly (внезапно),” she said, “the interest goes out of him (всякий интерес /к окружающему/ покидает его). He forgets you (он забывает о вас). He doesn’t care a rap for you (ему совершенно нет дела до вас; *he doesn’t care a rap* — *ему совершенно все равно/наплевать; to care* —

заботиться, беспокоиться; rap — мелкая обесцененная монета /в Ирландии в XVIII в./) — under his very nose (/хотя вы/ прямо у него под носом)...”

photograph ['fɒtəgrəf], caught [kɔ:t], greatly ['greɪtli]

Now that I have the clue to it, the thing seems written visibly in his face. I have a photograph in which that look of detachment has been caught and intensified. It reminds me of what a woman once said of him — a woman who had loved him greatly. “Suddenly,” she said, “the interest goes out of him. He forgets you. He doesn’t care a rap for you — under his very nose... ”

Yet the interest was not always out of him (*тем не менее интерес не всегда покидал его*), and when he was holding his attention to a thing Wallace could contrive to be an extremely successful man (*и когда он задерживал свое внимание на чем-то, Уоллес мог быть чрезвычайно преуспевающим человеком = чрезвычайно преуспеть в этом; to contrive — придумывать; суметь, ухитриться*). His career, indeed, is set with successes (*его карьера поистине усеяна успехами; to set with — усыпать, усеивать*). He left me behind him long ago (*он давно превзошел меня; to leave behind — оставлять позади, опережать; превосходить*); he soared up over my head (*он воспарил над моей головой; to soar up — взмыть, высоко взлететь*), and cut a figure in the world that I couldn’t cut (*и стал /заметной/ фигурой в обществе, какой я не смог стать; to cut a figure — произвести впечатление, стать фигурой*) — anyhow (*но не в этом дело*). He was still a year short of forty (*ему еще не было и сорока: «было без году сорок»*), and they say now (*и теперь говорят*) that he would have been in office and very probably in the new Cabinet if he had lived (*что он мог бы получить хорошую должность и очень вероятно в новом кабинете = вошел бы в новое правительство, если бы он был жив; to be in office — быть у власти, занимать пост, входить в состав правительства, иметь министерский портфель*). At school he always beat me without effort (*в*

школе он всегда легко: «без усилия» превосходил меня) — as it were by nature (так сказать, естественно; *as it were* — как будто, так сказать). We were at school together at Saint Athelstan's College in West Kensington for almost all our school time (мы вместе учились в Сент-Ателстенском колледже в Западном Кенсингтоне на протяжении почти всего нашего школьного времени = всего времени учебы). He came into the school as my co-equal (он поступил в школу как ровня мне), but he left far above me (но закончил /учебу/ значительно обогнав меня: «гораздо выше меня»), in a blaze of scholarships and brilliant performance (в блеске познаний и блестящих результатов; *scholarship* — образованность, познания, ученость). Yet I think I made a fair average running (тем не менее я считаю, что добился довольно неплохих: «средних» успехов; *to make good one's running* — не отставать; преуспевать; *running* — бег, бега). And it was at school I heard first of the Door in the Wall (и именно в школе я впервые услышал о Двери в Стене) — that I was to hear of a second time only a month before his death (о которой второй раз мне предстояло услышать всего за месяц до его смерти).

success [sqk'ses], soar [sL], average ['xvrIG]

Yet the interest was not always out of him, and when he was holding his attention to a thing Wallace could contrive to be an extremely successful man. His career, indeed, is set with successes. He left me behind him long ago; he soared up over my head, and cut a figure in the world that I couldn't cut — anyhow. He was still a year short of forty, and they say now that he would have been in office and very probably in the new Cabinet if he had lived. At school he always beat me without effort — as it were by nature. We were at school together at Saint Athelstan's College in West Kensington for almost all our school time. He came into the school as my co-equal, but he left far above me, in a blaze of scholarships and brilliant performance. Yet I think I made a fair average running. And it was at

school I heard first of the Door in the Wall — that I was to hear of a second time only a month before his death.

To him at least (для него, по крайней мере) the Door in the Wall was a real door leading through a real wall to immortal realities (Дверь в Стене была реальной дверью, ведущей сквозь реальную стену к бессмертным реальностям). Of that I am now quite assured (в этом я теперь совершенно уверен).

And it came into his life early (и это рано вошло в его жизнь), when he was a little fellow between five and six (когда он был маленьким ребенком пяти-шести лет). I remember how (я помню, как), as he sat making his confession to me with a slow gravity (когда он сел и начал свой рассказ: «сел делающим признание» с неспешной серьезностью), he reasoned and reckoned the date of it (он пытался определить, когда это началось: «думал и вычислял дату этого»). “There was,” he said, “a crimson Virginia creeper in it (там был какой-то малиновый дикий виноград/плющ; *creeper* — тот, кто ползает; ползучее растение) — all one bright uniform crimson in a clear amber sunshine against a white wall (исключительно один яркий однообразный малиновый цвет в ясном солнечном янтарном свете на фоне белой стены). That came into the impression somehow (это как-то отпечаталось в сознании: «пришло во впечатление»), though I don’t clearly remember how (хотя я не помню точно как), and there were horse-chestnut leaves upon the clean pavement outside the green door (а на чистом тротуаре перед зеленой дверью были листья конского каштана). They were blotched yellow and green (они были пятнистые — желтые и зеленые), you know, not brown nor dirty (знаешь, ни коричневые, ни грязные), so that they must have been new-fallen (так что они, наверное, опали недавно). I take it that means October (я заключаю, что это означает октябрь = значит, был октябрь). I look out for horse-chestnut leaves every year (я слежу за листьями конского каштана каждый год), and I ought to know (и я знаю: «должен знать»).

early ['WII], crimson [krlmzn], year [jW]

To him at least the Door in the Wall was a real door leading through a real wall to immortal realities. Of that I am now quite assured.

And it came into his life early, when he was a little fellow between five and six. I remember how, as he sat making his confession to me with a slow gravity, he reasoned and reckoned the date of it. “There was,” he said, “a crimson Virginia creeper in it — all one bright uniform crimson in a clear amber sunshine against a white wall. That came into the impression somehow, though I don’t clearly remember how, and there were horse-chestnut leaves upon the clean pavement outside the green door. They were blotched yellow and green, you know, not brown nor dirty, so that they must have been new-fallen. I take it that means October. I look out for horse-chestnut leaves every year, and I ought to know.

“If I’m right in that (если я прав в этом = если не ошибаюсь), I was about five years and four months old (мне было около пяти лет и четырех месяцев).”

He was, he said, rather a precocious little boy (он был, сказал он, довольно развитой не по годам мальчишка; *precocious* — скороспелый, ранний; рано развившийся; не по годам развитой) — he learned to talk at an abnormally early age (он научился разговаривать необыкновенно рано), and he was so sane and “old-fashioned (и он был такой благоразумный и «взрослый»; *old-fashioned* — старомодный; характеризуемый поведением как у взрослого),” as people say (как говорят люди), that he was permitted an amount of initiative that most children scarcely attain by seven or eight (что ему разрешали количество инициативы = столько самостоятельности, сколько большинство детей едва получают к семи-восемью годам; *initiative* — инициатива; способность к самостоятельным активным действиям). His mother died when he was born (его мать умерла при родах: «когда он был рожден»), and he was under the less vigilant and authoritative care of a nursery governess (и он был под менее

бдительным и властным присмотром бонны; *nursery governess* — бонна; *воспитательница, наставница*). His father was a stern, preoccupied lawyer (его отец был строгим, /вечно/ занятым/погруженным в свои дела адвокатом), who gave him little attention (который уделял ему мало внимания), and expected great things of him (и ожидал от него великих дел). For all his brightness he found life a little grey and dull I think (я думаю, несмотря на свои способности, он считал жизнь немного серой и скучной; *for all* — *несмотря, хотя*). And one day he wandered (и однажды он отправился побродить; *to wander* — *бродить, странствовать, скитаться*).

precocious [prɪ'kɒʃɪəs], people [pɪpl], initiative [ɪ'nɪʃɪətɪv], authoritative [L'ɔrɪtətɪv]

“If I’m right in that, I was about five years and four months old.”

He was, he said, rather a precocious little boy — he learned to talk at an abnormally early age, and he was so sane and “old-fashioned,” as people say, that he was permitted an amount of initiative that most children scarcely attain by seven or eight. His mother died when he was born, and he was under the less vigilant and authoritative care of a nursery governess. His father was a stern, preoccupied lawyer, who gave him little attention, and expected great things of him. For all his brightness he found life a little grey and dull I think. And one day he wandered.

He could not recall the particular neglect that enabled him to get away (он не мог вспомнить, как ему удалось: «какая халатность позволила» удрать), nor the course he took among the West Kensington roads (ни направление, которое он избрал среди дорог Западного Кенсингтона). All that had faded among the incurable blurs of memory (все это постепенно исчезло среди неизлечимых размытостей = *провалов* памяти). But the white wall and the green door stood out quite distinctly (но белая стена и зеленая дверь выделялись совершенно отчетливо).

As his memory of that remote childish experience ran (как следовало из его воспоминаний о том далеком = давнем событии в детстве; *to run* — бежать; гласить, быть выраженным), he did at the very first sight of that door experience a peculiar emotion, an attraction, a desire to get to the door and open it and walk in (он при первом же взгляде на ту дверь испытал необыкновенное чувство, влечение, желание подойти к двери, открыть ее и войти).

among [q'mAN], incurable [In'kjuqrqbl], peculiar [pl'kjHllq]

He could not recall the particular neglect that enabled him to get away, nor the course he took among the West Kensington roads. All that had faded among the incurable blurs of memory. But the white wall and the green door stood out quite distinctly.

As his memory of that remote childish experience ran, he did at the very first sight of that door experience a peculiar emotion, an attraction, a desire to get to the door and open it and walk in.

And at the same time he had the clearest conviction that either it was unwise or it was wrong of him (и в то же время он имел = ощущал очень четкую убежденность, что либо это неблагоприятно, либо неправильно) — he could not tell which (он не мог понять: «сказать» что /из двух/; *to tell* — отличать, различать; осознавать, понимать, постигать) — to yield to this attraction (если он поддастся: «поддаться» этому влечению). He insisted upon it (он настаивал на этом) as a curious thing that he knew from the very beginning (как на любопытном факте, который он знал с самого начала) — unless memory has played him the queerest trick (если память не сыграла с ним необычайную шутку) — that the door was unfastened (/настаивал/ что дверь была открыта), and that he could go in as he chose (и что он сможет войти, когда решится; *to choose* — предпочитать; решаться на какой-л. выбор).

I seem to see the figure of that little boy (я так и вижу фигуру того маленького мальчика; *to seem* — *казаться*), drawn and repelled (притягиваемого и отталкиваемого = которого и влечет к двери, и отталкивает от нее). And it was very clear in his mind, too (и было еще очень ясно = отчетливо осознавалось в его уме; *clear* — четкий, отчетливый, осознаваемый, ясно видимый), though why it should be so was never explained (хотя никогда не прояснилось, почему = хотя так и не ясно, с чего бы это), that his father would be very angry if he went through that door (что его отец очень рассердится, если он войдет через эту дверь).

either ['aɪdɪ], unfastened ['ʌn'fɑːstənd], figure ['fɪɡʃə]

And at the same time he had the clearest conviction that either it was unwise or it was wrong of him — he could not tell which — to yield to this attraction. He insisted upon it as a curious thing that he knew from the very beginning — unless memory has played him the queerest trick — that the door was unfastened, and that he could go in as he chose.

I seem to see the figure of that little boy, drawn and repelled. And it was very clear in his mind, too, though why it should be so was never explained, that his father would be very angry if he went through that door.

Wallace described all these moments of hesitation to me with the utmost particularity (Уоллес описал мне все эти моменты колебания с крайней обстоятельностью/в мельчайших деталях). He went right past the door (он прошел прямо мимо двери), and then, with his hands in his pockets (а потом /засунув/ руки в карманы), and making an infantile attempt to whistle (и сделав ребяческую попытку засвистеть), strolled right along beyond the end of the wall (побрел прямо вперед, пока не кончилась стена: «за пределы конца стены»). There he recalls a number of mean, dirty shops, and particularly that of a plumber and decorator (там, как он вспоминает, /был/ ряд захудалых, грязных лавок и

особенно мастерская водопроводчика и мастера по внутренней отделке помещений), with a dusty disorder of earthenware pipes (с пыльным беспорядком из глиняных труб), sheet lead, ball taps (листов свинца, кранов: «шариковых кранов»), pattern books of wall paper (/подшитых в/ книги образцов обоев), and tins of enamel (и банок с эмалью). He stood pretending to examine these things, and coveting, passionately desiring the green door (он стоял, делая вид, что рассматривает эти вещи, но /на самом деле/ жаждал, страстно желал /вернуться/ к зеленой двери).

whistle [wɪsl], plumber ['plʌmɹ], passionate ['pʌʃənɪt]

Wallace described all these moments of hesitation to me with the utmost particularity. He went right past the door, and then, with his hands in his pockets, and making an infantile attempt to whistle, strolled right along beyond the end of the wall. There he recalls a number of mean, dirty shops, and particularly that of a plumber and decorator, with a dusty disorder of earthenware pipes, sheet lead, ball taps, pattern books of wall paper, and tins of enamel. He stood pretending to examine these things, and coveting, passionately desiring the green door.

Then, he said, he had a gust of emotion (затем, он сказал, у него была = *его охватила буря эмоций; gust — взрыв /гнева и т. п./*). He made a run for it (он помчался к ней), lest hesitation should grip him again (пока колебания снова не охватили его), he went plump with outstretched hand through the green door and let it slam behind him (он прошел прямо с вытянутой рукой через зеленую дверь, и она захлопнулась за ним: «и позволил ей захлопнуться за собой»; *plump — полный; округлый, пухлый; прямой, решительный, безоговорочный /об отказе и т. п./; направленный непосредственно прямо /о взоре, взгляде/*). And so, in a trice (и таким образом, в один миг; *trice — мгновение, миг, момент*), he came into the garden that has haunted all his life (он вошел в сад, который /с тех пор/ не давал /ему/ покоя всю его жизнь; *to haunt — часто*

заезжать проведать, навещать /какое-л. место, людей и т. п./; неотступно преследовать /кого-л./, ходить хвостом; мучить; не давать покоя /о мыслях и т. п./).

It was very difficult for Wallace to give me his full sense of that garden into which he came (Уоллесу было очень трудно передать мне свое полное ощущение от того сада, в который он вошел).

hesitation [ˈhezɪˈteɪʃn], outstretched [ˈaʊtˈstreɪtʃt], behind [bɪˈhaɪnd]

Then, he said, he had a gust of emotion. He made a run for it, lest hesitation should grip him again, he went plump with outstretched hand through the green door and let it slam behind him. And so, in a trice, he came into the garden that has haunted all his life.

It was very difficult for Wallace to give me his full sense of that garden into which he came.

There was something in the very air of it that exhilarated (было нечто в самом его воздухе, что веселило), that gave one a sense of lightness and good happening and well-being (что давало чувство легкости, /и/ счастья: «того, что произошло что-то хорошее» и благополучия); there was something in the sight of it that made all its colour clean and perfect and subtly luminous (было что-то в этом саде: «в его виде», что делало весь его цвет чистым, /и/ совершенным и нежно светящимся; *subtle* — нежный; утонченный, изысканный; неуловимый, тонкий; едва различимый). In the instant of coming into it one was exquisitely glad (попадая туда, сразу же оказываешься совершенно счастлив/рад) — as only in rare moments and when one is young and joyful one can be glad in this world (как можно быть счастливым в этом мире в редкие мгновения и когда /ты/ еще молод и весел). And everything was beautiful there (и все там было прекрасно)...

exhilarate [ɪg'zɪləreɪt], subtly ['sʌtli], exquisitely [ɪk'skwɪzɪtli]

There was something in the very air of it that exhilarated, that gave one a sense of lightness and good happening and well-being; there was something in the sight of it that made all its colour clean and perfect and subtly luminous. In the instant of coming into it one was exquisitely glad — as only in rare moments and when one is young and joyful one can be glad in this world. And everything was beautiful there...

Wallace mused before he went on telling me (Уоллес задумался, прежде чем он продолжил рассказывать мне). “You see (видишь ли),” he said, with the doubtful inflection of a man who pauses at incredible things (с сомневающейся интонацией человека, который делает паузу, /прежде чем сказать нечто/ совершенно невероятное), “there were two great panthers there (там были две огромных пантеры)... Yes, spotted panthers (да, пятнистые пантеры; *spot* — *пятно*). And I was not afraid (а я не боялся). There was a long wide path with marble-edged flower borders on either side (там была длинная широкая тропинка с цветочными бордюрами и мраморными краями по обе стороны; *either* — *и тот и другой; оба; каждый*), and these two huge velvety beasts were playing there with a ball (и эти два громадных бархатных зверя играли там с мячом). One looked up and came towards me (один поднял взгляд и пошел ко мне), a little curious as it seemed (с любопытством, как казалось). It came right up to me (он подошел прямо ко мне), rubbed its soft round ear very gently against the small hand (нежно потерся своим мягким круглым ухом о маленькую ручонку) I held out and purred (которую я протянул, и заурчал). It was, I tell you, an enchanted garden (это был, говорю тебе, зачарованный сад). I know (я знаю). And the size (а размер)? Oh (о)! it stretched far and wide (он простирался во все стороны), this way and that (сюда и туда). I believe there were hills far away (мне кажется, вдалеке были холмы). Heaven knows where West Kensington had suddenly got to (Бог его знает, куда вдруг подевался

Западный Кенсингтон). And somehow it was just like coming home (и почему-то это было в точности как приход домой = казалось, словно ты оказался дома).

enchanted [In'CRntld], believe [bl'IJv], heaven [hevŋ]

Wallace mused before he went on telling me. “You see,” he said, with the doubtful inflection of a man who pauses at incredible things, “there were two great panthers there... Yes, spotted panthers. And I was not afraid. There was a long wide path with marble-edged flower borders on either side, and these two huge velvety beasts were playing there with a ball. One looked up and came towards me, a little curious as it seemed. It came right up to me, rubbed its soft round ear very gently against the small hand I held out and purred. It was, I tell you, an enchanted garden. I know. And the size? Oh! it stretched far and wide, this way and that. I believe there were hills far away. Heaven knows where West Kensington had suddenly got to. And somehow it was just like coming home.

“You know, in the very moment the door swung to behind me (знаешь, в тот самый момент, как дверь захлопнулась за мной; *to swing to* — *захлопнуться*; *to swing* — *качаться, колебаться*), I forgot the road with its fallen chestnut leaves (я забыл дорогу с ее опавшими листьями каштана), its cabs and tradesmen’s carts (ее экипажами и повозками торговцев), I forgot the sort of gravitational pull back to the discipline and obedience of home (я забыл то гравитационное притяжение = *тяготение* назад к домашней дисциплине и повиновению), I forgot all hesitations and fear (я забыл все сомнения и страхи), forgot discretion (забыл об осторожности), forgot all the intimate realities of this life (забыл обо всех реальностях: «всех близких/знакомых реальностях» этой жизни). I became in a moment a very glad and wonder-happy little boy (я стал за мгновение очень счастливым и восторженным, /будто увидел/ какое-то чудо, мальчишкой) — in another world (в другом мире). It was a world with a

different quality (это был мир с другим качеством = с другими свойствами), a warmer, more penetrating and mellower light (с более теплым, более проникающим и более густым светом; *mellow* — мягкий, сочный, густой /о голосе, цвете и т. п./), with a faint clear gladness in its air (с тихой ясной радостью в его воздухе), and wisps of sun-touched cloud in the blueness of its sky (и клочками слегка окрашенных солнцем облаков в голубизне неба). And before me ran this long wide path, invitingly (а передо мной бежала заманчиво эта длинная широкая тропа; *to invite* — приглашать), with weedless beds on either side (с клумбами без сорняков; *weed* — сорная трава, сорняк), rich with untended flowers (изобилующих: «богатых» неухоженными цветами = цветами, за которыми никто не ухаживает; *to tend* — заботиться /о ком-л./; ухаживать; присматривать), and these two great panthers (и с этими двумя огромными пантерами).

obedience [q'bJdlqns], discretion [dl'skreSqn], quality ['kwOlltl]

“You know, in the very moment the door swung to behind me, I forgot the road with its fallen chestnut leaves, its cabs and tradesmen’s carts, I forgot the sort of gravitational pull back to the discipline and obedience of home, I forgot all hesitations and fear, forgot discretion, forgot all the intimate realities of this life. I became in a moment a very glad and wonder-happy little boy — in another world. It was a world with a different quality, a warmer, more penetrating and mellower light, with a faint clear gladness in its air, and wisps of sun-touched cloud in the blueness of its sky. And before me ran this long wide path, invitingly, with weedless beds on either side, rich with untended flowers, and these two great panthers.

“I put my little hands fearlessly on their soft fur (я бесстрашно положил мои маленькие ручки на их мягкий мех), and caressed their round ears and the sensitive corners under their ears (и ласкал их круглые уши и чувствительные

места под ушами), and played with them (и играл с ними), and it was as though they welcomed me home (и было, будто они приветствовали/радушно принимали меня домой = приветствовали, показывая, что я здесь — у себя дома). There was a keen sense of home-coming in my mind (у меня в душе возникло сильное ощущение возвращения домой; *mind* — ум; память; душа), and when presently a tall, fair girl appeared in the pathway and came to meet me (и когда через некоторое время высокая, светловолосая девушка появилась на дорожке и подошла встретить меня), smiling, and said ‘Well?’ to me (улыбаясь, и сказала мне «ну?»), and lifted me, and kissed me (и подняла меня, и поцеловала), and put me down, and led me by the hand (и опустила меня, и повела меня за руку), there was no amazement (не возникло никакого изумления), but only an impression of delightful rightness (но лишь радостное ощущение, что иначе и быть не может: «впечатление радостной правильности»), of being reminded of happy things that had in some strange way been overlooked (/ощущение/, когда тебе напоминают о счастливых вещах, которые каким-то странным образом /ты/ не заметил; *to overlook* — не заметить, просмотреть, пропустить). There were broad steps, I remember (я помню, там были широкие ступеньки), that came into view between spikes of delphinium (которые предстали взору между шипами шпорника; *to come into view* — предстать /перед глазами/, появиться, стать видимым; *delphinium* — дельфиниум, шпорник), and up these we went to a great avenue between very old and shady dark trees (и по ним мы поднялись к большой широкой аллее между очень старыми и тенистыми темными деревьями). All down this avenue, you know (знаешь, вдоль всей этой аллеи), between the red chapped stems, were marble seats of honour and statuary (между багряными обветренными стволами были мраморные почетные сиденья и статуи), and very tame and friendly white doves (и очень ручные и дружелюбные белые голуби)...

broad [brLd], view [vjH], dove [dAv]

“I put my little hands fearlessly on their soft fur, and caressed their round ears and the sensitive corners under their ears, and played with them, and it was as though they welcomed me home. There was a keen sense of home-coming in my mind, and when presently a tall, fair girl appeared in the pathway and came to meet me, smiling, and said ‘Well?’ to me, and lifted me, and kissed me, and put me down, and led me by the hand, there was no amazement, but only an impression of delightful rightness, of being reminded of happy things that had in some strange way been overlooked. There were broad steps, I remember, that came into view between spikes of delphinium, and up these we went to a great avenue between very old and shady dark trees. All down this avenue, you know, between the red chapped stems, were marble seats of honour and statuary, and very tame and friendly white doves...

“And along this avenue my girl-friend led me (и по этой аллее моя подруга повела меня), looking down (глядя вниз /на меня/) — I recall the pleasant lines (я вспоминаю милые черты), the finely-modelled chin of her sweet kind face (тонко очерченный подбородок ее очаровательного доброго лица; *modelled* — *лепной; рельефный, скульптурный*) — asking me questions in a soft, agreeable voice (/она/ задавала мне вопросы мягким, приятным голосом), and telling me things, pleasant things I know (и рассказывала мне что-то, что-то приятное, что я знаю), though what they were I was never able to recall (хотя что именно, я так и не смог вспомнить)... And presently a little Capuchin monkey (а некоторое время спустя маленькая обезьянка-капуцин), very clean (очень чистая), with a fur of ruddy brown and kindly hazel eyes (с мехом красновато-коричневого цвета и добрыми карими глазами; *hazel* — *лесной орех; ореховый, светло-коричневый; карий*), came down a tree to us and ran beside me (спустилась с дерева к нам и побежала рядом со мной), looking up at me and grinning (глядя вверх на меня и ухмыляясь; *to grin* — *скалить зубы; осклабиться; ухмыляться*), and presently leapt to my shoulder (а через некоторое время

запрыгнула мне на плечо; *to leap* — прыгать, скакать). So we went on our way in great happiness (и мы пошли по нашей дороге в великом счастье)...”

He paused (он остановился).

“Go on (продолжай),” I said.

pleasant [pleznt], monkey ['mANkI], hazel [hezI]

“And along this avenue my girl-friend led me, looking down — I recall the pleasant lines, the finely-modelled chin of her sweet kind face — asking me questions in a soft, agreeable voice, and telling me things, pleasant things I know, though what they were I was never able to recall... And presently a little Capuchin monkey, very clean, with a fur of ruddy brown and kindly hazel eyes, came down a tree to us and ran beside me, looking up at me and grinning, and presently leapt to my shoulder. So we went on our way in great happiness...”

He paused.

“Go on,” I said.

“I remember little things (я помню мелочи). We passed an old man musing among laurels, I remember (я помню, мы прошли мимо старика, размышляющего среди лавров), and a place gay with paroquets (и места, пестрого от длиннохвостых попугаев) and came through a broad shaded colonnade to a spacious cool palace (и пришли через широкую затененную колоннаду к просторному прохладному дворцу), full of pleasant fountains (изобилующему красивыми фонтанами), full of beautiful things (полному красивых вещей), full of the quality and promise of heart’s desire (преисполненному добротности и обещания /исполнения/ заветных желаний; *one’s heart’s desire* — заветное, сокровенное желание). And there were many things and many people (и там было много вещей и много людей), some that still seem to stand out clearly and some that are a little vague (некоторые, /которые/ все еще, кажется, выделяются четко = некоторых я и сейчас помню,

а некоторые видны нечетко), but all these people were beautiful and kind (но все эти люди были прекрасны и добры). In some way (каким-то образом) — I don't know how (я не знаю как) — it was conveyed to me (мне было передано) that they all were kind to me (что они все добры ко мне), glad to have me there (рады принять/видеть меня там), and filling me with gladness by their gestures (и наполняют меня счастьем своими жестами), by the touch of their hands (касанием рук), by the welcome and love in their eyes (радушием и любовью в их глазах). Yes (да) — ”

paroquet ['pʌrɒkɪt], spacious ['speɪʃɪs], fountain ['faʊntɪn]

“I remember little things. We passed an old man musing among laurels, I remember, and a place gay with paroquets, and came through a broad shaded colonnade to a spacious cool palace, full of pleasant fountains, full of beautiful things, full of the quality and promise of heart's desire. And there were many things and many people, some that still seem to stand out clearly and some that are a little vague, but all these people were beautiful and kind. In some way — I don't know how — it was conveyed to me that they all were kind to me, glad to have me there, and filling me with gladness by their gestures, by the touch of their hands, by the welcome and love in their eyes. Yes — ”

He mused for a while (он задумался на некоторое время). “Playmates I found there (друзей для игр нашел я там). That was very much to me (это было очень много для меня), because I was a lonely little boy (потому что я был одиноким мальчиком). They played delightful games in a grass-covered court (они играли в радостные игры во дворе, покрытом травой) where there was a sun-dial set about with flowers (где были солнечные часы, обрамленные цветами). And as one played one loved (когда играешь, то начинаешь любить: «любишь»)...

“But — it’s odd (но странно) — there’s a gap in my memory (в моей памяти есть пробел). I don’t remember the games we played (я не помню игр, в которые мы играли). I never remembered (и никогда не помнил). Afterwards, as a child (впоследствии, ребенком), I spent long hours trying, even with tears (я тратил долгие часы, пытаясь до слез: «даже со слезами»; *to spend* — *тратить*; *проводить*), to recall the form of that happiness (вспомнить вид того счастья = в чем заключалось то счастье; *form* — *форма, внешний вид, внешнее очертание*). I wanted to play it all over again (я хотел сыграть в нее снова; *all over again* — *снова, еще раз, заново*) — in my nursery — by myself (в детской комнате сам). No (нет)! All I remember is the happiness and two dear playfellows who were most with me (все, что я помню, — это счастье и двух дорогих друзей по игре, которые были со мной больше всего)...

delightful [dɪˈlaɪtful], hour [aʊə], even [ɪvən]

He mused for a while. “Playmates I found there. That was very much to me, because I was a lonely little boy. They played delightful games in a grass-covered court where there was a sun-dial set about with flowers. And as one played one loved...

“But — it’s odd — there’s a gap in my memory. I don’t remember the games we played. I never remembered. Afterwards, as a child, I spent long hours trying, even with tears, to recall the form of that happiness. I wanted to play it all over again — in my nursery — by myself. No! All I remember is the happiness and two dear playfellows who were most with me...

Then presently came a sombre dark woman (затем через некоторое время пришла хмурая мрачная женщина), with a grave, pale face and dreamy eyes (с серьезным бледным лицом и мечтательными глазами), a sombre woman wearing a soft long robe of pale purple (хмурая женщина, одетая в мягкое длинное одеяние бледно-пурпурного цвета), who carried a book and beckoned

(которая несла книгу и сделала /мне/ знак) and took me aside with her into a gallery above a hall (и повела меня в сторону с собой в галерею над залом) — though my playmates were loth to have me go (хотя мои товарищи по играм не хотели отпускать меня; *loth* — *несклонный, не желающий что-л. делать; неохотный; to be loth to do smth.* — *не хочет делать что-л.*), and ceased their game and stood watching as I was carried away (и прекратили игру и стояли, наблюдая за тем, как меня уводят). ‘Come back to us (возвращайся к нам)!’ they cried (кричали они). ‘Come back to us soon (скорее возвращайся к нам)!’ I looked up at her face (я посмотрел вверх на ее лицо), but she heeded them not at all (но она совершенно не обращала на них внимания; *to heed* — *обращать внимание, учитывать, принимать во внимание*). Her face was very gentle and grave (ее лицо было очень спокойным и серьезным). She took me to a seat in the gallery (она повела меня к скамье в галерее), and I stood beside her (и я стал возле нее), ready to look at her book as she opened it upon her knee (готовый смотреть /на/ ее книгу, когда она раскрыла ее на коленях). The pages fell open (страницы распахнулись). She pointed (она показывала), and I looked, marvelling (а я смотрел, изумляясь), for in the living pages of that book I saw myself (ибо на живых страницах той книги я увидел себя); it was a story about myself (это была история обо мне), and in it were all the things that had happened to me since ever I was born (и в ней были все события, которые произошли со мной с тех пор, как я родился)...

though [Dqu], ready ['redl], knee [nJ]

Then presently came a sombre dark woman, with a grave, pale face and dreamy eyes, a sombre woman wearing a soft long robe of pale purple, who carried a book and beckoned and took me aside with her into a gallery above a hall — though my playmates were loth to have me go, and ceased their game and stood watching as I was carried away. ‘Come back to us!’ they cried. ‘Come back to us soon!’ I looked up at her face, but she heeded them not at all. Her face was very

gentle and grave. She took me to a seat in the gallery, and I stood beside her, ready to look at her book as she opened it upon her knee. The pages fell open. She pointed, and I looked, marvelling, for in the living pages of that book I saw myself; it was a story about myself, and in it were all the things that had happened to me since ever I was born...

“It was wonderful to me (это было удивительно для меня), because the pages of that book were not pictures (потому что страницы той книги были не картинками), you understand, but realities (понимаешь, а реальностью).”

Wallace paused gravely (Уоллес сделал большую паузу) — looked at me doubtfully (с сомнением поглядел на меня).

“Go on (продолжай),” I said. “I understand (я понимаю).”

because [bl'kOz], picture ['pɪkʃə], doubtfully ['daʊtfull]

“It was wonderful to me, because the pages of that book were not pictures, you understand, but realities.”

Wallace paused gravely — looked at me doubtfully.

“Go on,” I said. “I understand.”

“They were realities (это была реальность) — yes, they must have been (да и как иначе: «они, должно быть, были»); people moved and things came and went in them (люди двигались, а события/предметы на страницах: «на них» появлялись и исчезали); my dear mother, whom I had near forgotten (моя дорогая матушка, которую я почти забыл); then my father, stern and upright (потом мой отец, строгий и честный), the servants, the nursery, all the familiar things of home (слуги, детская комната, все знакомые вещи дома). Then the front door and the busy streets, with traffic to and fro (затем парадный вход и оживленные улицы с движением взад и вперед; *to and fro* — *взад и вперед; туда и сюда*): I looked and marvelled (я смотрел и изумлялся), and looked half

doubtfully again into the woman's face and turned the pages over (и снова смотрел наполовину с сомнением в лицо женщины и переворачивал страницы), skipping this and that (пропуская то и это), to see more of this book (чтобы увидеть больше в этой книге), and more (и больше), and so at last I came to myself hovering and hesitating outside the green door in the long white wall (и так, наконец, я дошел до себя, мешкающего и колеблющегося перед зеленой дверью в длинной белой стене), and felt again the conflict and the fear (и снова ощутил /внутреннюю/ борьбу и страх; *to feel* — чувствовать, ощущать).

mother ['mADɔ], busy ['bɪzɪ], hover ['hOvɔ]

“They were realities — yes, they must have been; people moved and things came and went in them; my dear mother, whom I had near forgotten; then my father, stern and upright, the servants, the nursery, all the familiar things of home. Then the front door and the busy streets, with traffic to and fro: I looked and marvelled, and looked half doubtfully again into the woman's face and turned the pages over, skipping this and that, to see more of this book, and more, and so at last I came to myself hovering and hesitating outside the green door in the long white wall, and felt again the conflict and the fear.

“And next (а /что/ потом)?” I cried (воскликнул я), and would have turned on (и хотел уже перевернуть /страницу/ дальше), but the cool hand of the grave woman delayed me (но прохладная рука серьезной женщины удержала меня; *to delay* — задерживать, замедлять; препятствовать).

“Next (дальше)?” I insisted (настаивал я), and struggled gently with her hand (и мягко боролся с ее рукой; *gently* — мягко, нежно, кротко), pulling up her fingers with all my childish strength (оттягивая вверх ее пальцы всеми моими детскими силами), and as she yielded and the page came over she bent down upon me like a shadow and kissed my brow (и когда она уступила, и

страница перевернулась, она склонилась надо мной, как призрак, и поцеловала меня в лоб; *shadow* — *тень; призрак*).

yield [jɪld], shadow ['ʃædɔʊ], brow [braʊ]

“‘And next?’ I cried, and would have turned on, but the cool hand of the grave woman delayed me.

“‘Next?’ I insisted, and struggled gently with her hand, pulling up her fingers with all my childish strength, and as she yielded and the page came over she bent down upon me like a shadow and kissed my brow.

“‘But the page did not show the enchanted garden (*но страница не показала зачарованного сада*), nor the panthers (*ни пантер*), nor the girl who had led me by the hand (*ни девушки, которая вела меня за руку*), nor the playfellows who had been so loth to let me go (*ни товарищей по играм, которые так не хотели отпускать меня*). It showed a long grey street in West Kensington (*она показала длинную серую улицу в Западном Кенсингтоне*), on that chill hour of afternoon before the lamps are lit (*в тот холодный послеполуденный час перед тем, как зажигают лампы; to light — зажигать*), and I was there (*и я был там*), a wretched little figure (*несчастливая маленькая фигурка*), weeping aloud (*плачущая во весь голос*), for all that I could do to restrain myself (*несмотря на все мои усилия: «что я мог сделать, чтобы» сдержаться*), and I was weeping (*и я плакал*) because I could not return to my dear playfellows (*потому что я не мог вернуться к моим дорогим приятелям по играм*) who had called after me (*которые кричали вслед мне*), ‘Come back to us (*вернись к нам*)! Come back to us soon (*возвращайся скорее*)!’ I was there (*я был там*). This was no page in a book (*это была не страница в книге*), but harsh reality (*а суровая действительность*); that enchanted place and the restraining hand of the grave mother at whose knee I stood had gone (*то зачарованное место и сдерживающая рука печальной матери, у колен которой я стоял, исчезли; to go — уходить*;

исчезать; grave — важный, степенный, серьезный; мрачный, печальный) —
whither have they gone (куда они пропали)?”

wretched [ˈreɪtɪd], aloud [aʊˈləʊd], whose [hʊz]

“But the page did not show the enchanted garden, nor the panthers, nor the girl who had led me by the hand, nor the playfellows who had been so loth to let me go. It showed a long grey street in West Kensington, on that chill hour of afternoon before the lamps are lit, and I was there, a wretched little figure, weeping aloud, for all that I could do to restrain myself, and I was weeping because I could not return to my dear play-fellows who had called after me, ‘Come back to us! Come back to us soon!’ I was there. This was no page in a book, but harsh reality; that enchanted place and the restraining hand of the grave mother at whose knee I stood had gone — whither have they gone?”

He halted again, and remained for a time (он остановился опять и оставался /молчащим/ некоторое время), staring into the fire (уставившись в огонь камина).

“Oh (ах)! the wretchedness of that return (эх, как мучительно было возвращаться: «о, мучения возвращения»!)” he murmured (прошептал он).

“Well (ну и)?” I said after a minute or so (сказал я через минуту или около того).

halt [hɔlt], murmur [ˈmɜːmɜː], minute [ˈmɪnɪt]

He halted again, and remained for a time, staring into the fire.

“Oh! the wretchedness of that return!” he murmured.

“Well?” I said after a minute or so.

“Poor little wretch I was (я был несчастным человечком) — brought back to this grey world again (которого снова вернули в этот серый мир: «приведенный обратно...»)! As I realised the fulness of what had happened to me (когда я осознал полноту = *полностью* то, что случилось со мной), I gave way to quite ungovernable grief (я предался безудержному горю; *to give way* — *поддаваться, предаваться /отчаянию, горю/; давать волю /слезам/*). And the shame and humiliation of that public weeping and my disgraceful homecoming remain with me still (стыд и унижение от того прилюдного плача и моего позорного возвращения домой я помню: «остаются» до сих пор). I see again the benevolent-looking old gentleman in gold spectacles who stopped and spoke to me (я снова вижу старого джентльмена благожелательной внешности в золотых очках, который остановился и заговорил со мной) — prodding me first with his umbrella (сначала ткнувшего меня своим зонтом; *to prod* — *колоть, тыкать*). ‘Poor little chap (бедный малыш),’ said he; ‘and are you lost then (ты, значит, потерялся)?’ — and me a London boy of five and more (и это мне — лондонскому мальчишке пяти лет с гаком)! And he must needs bring in a kindly young policeman (и ему непременно надо /было/ привести милого молодого полицейского) and make a crowd of me (и собрать толпу вокруг меня), and so march me home (и так сопроводить меня домой). Sobbing, conspicuous and frightened (рыдающий, бросающийся в глаза /всем прохожим/ и испуганный; *conspicuous* — *видный, заметный, бросающийся в глаза*), I came from the enchanted garden to the steps of my father’s house (я пришел из зачарованного сада к ступеням дома моего отца).

ungovernable [An'gAvqŋqbl], grief [grJf], conspicuous [kqŋ'splkjuqs],
frightened ['fraltqnd]

“Poor little wretch I was — brought back to this grey world again! As I realised the fulness of what had happened to me, I gave way to quite ungovernable grief. And the shame and humiliation of that public weeping and my disgraceful

homecoming remain with me still. I see again the benevolent-looking old gentleman in gold spectacles who stopped and spoke to me — prodding me first with his umbrella. ‘Poor little chap,’ said he; ‘and are you lost then?’ — and me a London boy of five and more! And he must needs bring in a kindly young policeman and make a crowd of me, and so march me home. Sobbing, conspicuous and frightened, I came from the enchanted garden to the steps of my father’s house.